

Отмечу все же некоторые дефекты работы Хьюза. Жаль, что он не дал сплошного перевода текста. Для читателя, который не станет вслед за автором сравнивать перевод, строка за строкой, с оригиналом, а захочет использовать его труд для общих исследований, т. е. для читателя не специалиста, методика перевода, принятая Хьюзом, содержит серьезные опасности, которые особенно велики в отношении ведомости лиц, числившихся за главной тюрьмой. Я имею в виду то обстоятельство, что автор рассматривает каждую графу ведомости самостоятельно, вследствие чего легко утрачивается ощущение всей строки в целом и читатель может упустить из виду, что между графами имеются порой значительные лакуны.

Существенным дефектом издания является и то обстоятельство, что хорошие воспроизведения даны не только не в натуральную величину, как это было бы желательно, учитывая сложность палеографии текстов Среднего царства, но и в разных масштабах. А так как этот масштаб нигде не указан, читатель может его установить только приближенно. Это, без сомнения, очень сильно снижает то значение, которое могла иметь проделанная Хьюзом работа для изучения палеографии еще неизданных рукописей того же времени, не говоря уже о том, что это весьма затрудняет проверку высказанных им предположений о разных почерках, которыми сделаны некоторые записи.

Малый формат таблиц и их разномасштабность затрудняет и проверку утверждения автора о том, что для записей был использован чистый папирус. Хьюз указывает (стр. 7), что воспроизведения создают ложное впечатление того, что папирус является палимпсестом, тогда как на самом деле просвечивает текст оборотной стороны. Не видя оригинал, трудно опровергать утверждение автора, но все же следует указать, что по крайней мере в двух случаях видны следы знаков, наличие которых приведенное изображение Хьюза не объясняет. Я имею в виду следы записей, ясно различимые на табл. IV (вдоль правого края так называемой «вставки А») и на табл. IX (вдоль левого края столбца «б»). В обоих случаях надписи идут перпендикулярно к основному тексту папируса, причем отдельные, более отчетливо видимые знаки говорят о том, что надпись не является зеркальной, как должно было быть, если прав Хьюз, и, самое главное, в соответствующих местах оборотной стороны (соответственно табл. XI и VI) строки расположены горизонтально по ширине папируса, а не поперек. Это ставит под сомнение соображение автора издания относительно того, что для записей был использован девственный папирус, соображение, которое может иметь немаловажное значение для решения вопроса о связанности всех записей.

Проф. И. Лурье

V. EHRENBERG, *Sophocles and Pericles*, Oxford, 1954, XI + 187 стр.

Рецензируемая работа посвящена вопросу, представляющему большой интерес как для литературоведов, так и для историков. Взаимоотношения Софокла и Перикла привлекали и ранее внимание исследователей, например, Поленца («Griechische Tragödie», I, 1930, стр. 161, 2 изд., 1954) и Уйтмена («Sophocles», Massachusetts, 1951, стр. 13), однако, до сих пор этот вопрос не разрабатывался специально. Между тем изучение взаимоотношений этих двух выдающихся деятелей Древней Греции может значительно пополнить наши представления об афинском обществе V в. до н. э.

Автор считает типичными представителями рассматриваемой эпохи Перикла, Софокла и Фидия. Однако ограниченность наших сведений о последнем вынуждает его сосредоточить внимание лишь на первых двух. При этом деятельность Перикла и Софокла Эренберг рассматривает не в полном объеме, а лишь в пору наивысшего влияния Перикла, от постановки «Антигоны», которую он относит к 442 г., до постановки «Царя Эдипа» в 429 г. Этот период начинается победой демократической партии и изгна-

нием Фукидида, сына Мелесия, поборника старой аристократии, и кончается смертью Перикла.

Эренберг предпосылает своей книге обстоятельное введение, в котором, объясняя задачу своего исследования, он специально останавливается на вопросе об отражении исторической действительности в художественных произведениях и, в частности, в греческой трагедии, а также уделяет немалое внимание переработке мифического сюжета (стр. 14 сл.). Интересно, что автор решительно отвергает мысль о самодовлеющем значении искусства, сторонники которой часто ссылаются на творчество Софокла, как на образец «чистого искусства», и эту точку зрения он проводит последовательно на протяжении всей книги. «Афинский трагик, — говорит он, — писал для афинского народа и на его суждение отдавал себя, выступая на поэтическом агоне... Таким образом он обращался к тем же слушателям, что и Перикл в народном собрании» (стр. 5). «Литература, — уточняет он далее свою мысль, — есть до некоторой степени выражение истории» (стр. 10, ср. 143). Автор оговаривается при этом, что трагедия все-таки не является политическим памфлетом или дебатами в народном собрании (стр. 11). На ряде примеров Эренберг и показывает связь трагедии с общественной жизнью Афин («Персы», «Эвмениды» Эсхила и т. п.).

При изучении общественных настроений рассматриваемой эпохи Эренберг придает первостепенное значение вопросу о неписанных законах. Самое понятие «неписанных законов» требует специального выяснения: то ли это статьи обычного права, не нашедшие выражения в кодификации, то ли — обычные три «заповеди» первобытного общества — чтить богов, родителей и «гостей», или же — требования высшей нравственности. Автор в этом вопросе пошел по пути, намеченному рядом предшественников. Софокл, по его мнению, под неписанными законами понимает требования высшей нравственности. На основании тщательного рассмотрения творчества поэта Эренберг определяет его мировоззрение, как религиозное в своей основе, близкое к общенародным верованиям, далекое от высоты Пиндара и Эсхила (он таким образом игнорирует богоборчество Прометея, о котором писал К. Маркс¹), равно как и от рационализма Эврипида. Интересно отметить наблюдение о различии между суровостью взглядов поэта в середине V в. и некоторой умиротворенностью последних произведений — «Филоклетта» и «Эдипа в Колоне» (стр. 24).

Миропонимание Софокла лучше всего, по мнению автора, выражено словами Антигоны о «неписанных, незыблемых законах богов». Эренберг особенно подчеркивает, что Антигона верит в божественное управление миром, тогда как Креонт старается обосновать свое право человеческими законами и обычаями, суждениями индивидуальной личности или государства (стр. 33). Воображая себя выразителем интересов государства, Креонт впадает в крайний индивидуализм и действует, как тиран, — в этом некоторое сходство его с Периклом.

О неписанных законах говорил и Перикл в «Надгробном слове» (Thuc., II, 37, 3). Эренберг, сопоставляя формулировку этого «Слова», данную Фукидидом, с другими высказываниями Перикла, признает ее достоверность. Упоминание этого выступления Перикла в псевдо-лисийевой речи «Против Андокида» (VI, 10), относящейся к 399 г., содержит еще ссылку на толкование Эвмолпидов, игравших ведущую роль в культе Великих Элевсинских мистерий. Ссылка на такой авторитет позволяет усмотреть в речи Перикла какую-то полемику — очевидно, с его политическими противниками, нападавшими с обвинениями в нечестии на его друзей — Анаксагора, Протагора, Фидия и др. Перикл видел высокое преимущество афинян перед другими людьми в том, что они соблюдают не только писанные законы государства, но и те неписанные законы, несоблюдение которых не может караться государством, а только навлекает нравственный позор. Эти нравственные законы в представлении Перикла, хотя и противопологаются писаным законам государства, по существу своему являются их дополнением и основываются на силе общественного мнения, истолкователями которого выступают Эвмолпиды. Таким образом, Перикл имеет в виду государственную точку зре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, 1955, стр. 418.

ния, между тем как Софокл — религиозную; оба интересуются одним и тем же вопросом, но каждый разрешает его по-своему.

Автор пытается связать социально-политическое мировоззрение Софокла с его происхождением из семьи богатого владельца оружейной мастерской, а также с тем, что при начале своего драматургического поприща он пользовался поддержкой Кимона, а позднее принадлежал к числу друзей Перикла и принимал активное участие в общественной жизни (исполнял обязанности казначея союзной казны и затем — стратега совместно с Периклом во время похода на остров Самос). Об участии Софокла в событиях 411 г., — правда, не очень надежно засвидетельствованном, — Эренберг вовсе не упоминает. Биография Софокла позволяет ожидать в его творчестве каких-нибудь откликов на современную общественную жизнь.

Среди образов, выведенных в трагедиях Софокла, исследователя в первую очередь привлекают образы правителей, особенно Креонта в «Антигоне» и Эдипа в «Царе Эдипе», в которых, несомненно, нашли отклик политические воззрения современников. Недаром еще Демосфен (XIX, 247) цитировал одно из рассуждений Креонта, как образец поведения честного, патриотически настроенного гражданина, для которого благо государства выше каких-либо личных расчетов. Однако можно видеть, что у Креонта эти благородные рассуждения служат лишь лицемерной маскировкой для прикрытия его тиранической сущности¹. Индивидуалистические черты, проявляющиеся в некоторых рассуждениях Креонта и Эдипа, являются также знаменем времени. Бросается в глаза их стремление отождествлять себя с государством. Некоторые из современников находили эту черту у Перикла, власть которого даже его искренний приверженец Фукидид характеризовал таким определением: «На словах была демократия, а на деле — правление первого мужа» (II, 65, 9). Эренберг обращает внимание на то, что в «Царе Эдипе» (ст. 33) таким же выражением *ἀνδρῶν δὲ πρώτων* называют собравшиеся ко дворцу граждане и самого Эдипа. А в «Антигоне» (ст. 8) Креонт титулуется стратегом, хотя ниоткуда не видно, чтобы он исполнял обязанности военачальника. Вопросу о мнимой «стратегии» Креонта автор посвящает специальную заметку в приложении (стр. 173—177). Такие вскользь брошенные выражения дают основание предполагать в них отклик каких-то современных разговоров о Перикле в обществе.

В связи с рассмотрением образа Креонта Эренберг посвящает специальный параграф (стр. 61—66) анализу знаменитой песни хора в «Антигоне» (332—375), где прославляется великая сила человека. Автор, подобно некоторым предшественникам, обращает внимание на то, как тут за гимном во славу человека следует пессимистическое опасение, что чрезмерная дерзость и самоуверенность его несут ему гибель, и делается вывод, что от такого человека надо держаться подальше. В противоположность некоторым ученым, которые видели в этих словах осуждение поступка Антигоны, автор — и мы вполне соглашаемся с ним — признает, что эти горькие слова направлены против Креонта. А вместе с тем в этом необходимо видеть и осуждение смелых воззрений современных Софоклу ученых и особенно софистов (стр. 65).

Все эти соображения побуждают Эренберга пересмотреть с соответствующей точки зрения историческую роль Перикла. В двух специальных главах: IV, «Перикл как правитель» и V, «Простат, стратег, первый муж» (стр. 75—116) автор заново разбирает всю деятельность Перикла. По мнению Эренберга, в лице Перикла следует видеть лидера не столько демоса, сколько всего государства (стр. 100). Судить о мировоззрении Перикла приходится главным образом по его действиям. Речи, которые приписываются ему Фукидидом, Плутархом и др., характеризуют его, как рационалиста, наделенного критическим умом, никогда не ссылающегося на богов или сверхъестественные силы (стр. 94 сл.). Хотя он сам не подавал повода к нападкам за нечестие, но его друзья испытывали на себе религиозную подозрительность окружающих. В этом отношении Софокл составлял противоположность ему. Решительной ошибкой Перик-

¹ Ср. Ф. Г. М и щ е н к о, Креонт и Антигона, «Фил. Обзор.», т. XX (1901), стр. 40—62.

ла автор считает египетский поход 461—456 гг. и попытку подчинить Афинам всю Грецию, а также непонимание психологии аттического крестьянства (стр. 155 сл.).

Большой интерес представляет глава VI «Администрация и политика» (стр. 117—136), в которой Эренберг пытается точнее определить социальное лицо Софокла. Путем тщательного рассмотрения эпиграфических данных, — а именно списков союзнических взносов, он показывает, что Софокл был не просто казначеем союзной казны *ἐλλήνωνταιμίας*, но и главой коллегии казначеев, и что он занял этот пост в 443 г., т. е. в тот важный в политической жизни Афин момент, когда только что ушел в изгнание Фукидид и, с другой стороны, когда были предприняты шаги по смягчению и уравниванию союзнических взносов и когда общими силами разных греческих государств была основана в Италии колония Фурии (на что намек в «Ант.», 1119). Из этого видно, что административная роль Софокла вовсе не была такой незначительной, как обычно принято было думать. Как раз к этому моменту относится создание «Антигоны», и автор в противоположность колебаниям прежних ученых решительно датирует ее постановку 442 годом, а к следующему, 441 г., относит стратегию Софокла и участие его в самосском походе совместно с Периклом. Из всего этого становится очевидным, что Софокл включался в политику Перикла, был иногда исполнителем его предначертаний, хотя и не во всем разделял его взгляды. Отсюда понятны некоторые высказывания героев трагедий Софокла и обрисовка типа сильного правителя в образах Креонта и Эдипа в духе разговоров, ходивших в афинском обществе о Перикле.

В главе VII «Люди и их время» (стр. 141—161) Эренберг резюмирует высказанные ранее положения о неписаных законах и образах правителей, затем приводит ряд дополнительных сопоставлений, показывающих, что, хотя Софокл и находился под сильным влиянием Перикла, однако в общем он шел своим путем. Для поэта высшие законы — это законы богов, для политического деятеля это — законы общества. Для поэта неписанные законы являются боевым кличем (*battle-cry*), который провозглашается им против суемудрия правителей — Креонта и Эдипа, а в их образах и против современных правителей (стр. 141 сл.). Только сильная личность может идти против богов, но за это ее и постигает несчастье.

Во всех своих рассуждениях Эренберг исходит из той мысли, что рост индивидуалистических течений и сил интеллекта приводит античный город-государство к крушению (стр. 150 сл.). Этот индивидуализм представляется ему только этапом в эволюции идей, и он нигде не задается вопросом о материальных причинах этого процесса.

VII глава заканчивается сравнением Перикла и Софокла. Характеризуя мировоззрение Перикла, Эренберг отводит ему среднее место между верующими и крайними рационалистами его времени (стр. 149) и этим объясняет тот факт, что сам он избег обвинений в нечестии (стр. 160). В его рассуждениях, приводимых Фукидидом, встречаются совпадения с речами Креонта, чего нельзя объяснить случайностью, — в этом обнаруживается определенное политическое направление (стр. 146 сл.). В образе действий Перикла приходится видеть подрыв старых традиций греческого государства. Эти-то отрицательные черты его воплотились в образе Креонта (стр. 154).

Софокл и Перикл — крупные и характерные фигуры своего времени, но каждый отражает свое время по-разному. Перикл — представитель передового направления, ученик и последователь современных философов, Софокл — поборник старых традиций и веры в богов, не гуманист-просветитель, но и не реакционер (ст. 157 сл.). Оба были глубокими патриотами (стр. 156). О третьем представителе этой эпохи — Фидии — мы имеем слишком мало сведений. Но то обстоятельство, что он подвергся обвинениям в нечестии наряду с другими сторонниками Перикла, говорит скорее всего за то, что он разделял их воззрения (стр. 160).

В заключительной VIII главе (стр. 162—166) автор отмечает «вечное» значение образов Софокла и высказывает свои методологические принципы. Затем он дает краткую характеристику афинского государства, причем введение оплаты за исполнение общественных обязанностей признает необходимым условием демократического строя, но в то же время и причиной демагогии и дальнейшего кризиса. Он старается

показать, какое место в этом процессе занимали Софокл и Перикл: в расцвете и «гармонии» таились признаки разложения полисного единства (стр. 165). Образ Антигоны, с точки зрения автора, консервативный в своей основе, должен был сыграть революционную роль силой своего протеста против жестокости и произвола (стр. 162).

Отметим еще, что в одном из приложений «Новое историческое толкование Аякса» (стр. 178—182) Эренберг разоблачает нелепость якобы исторического объяснения названной трагедии, принадлежащее Норману О. Брауну, который «рассматривает всю пьесу в целом, как сознательное отражение исторического процесса», «проявление новой „буржуазной“ системы ценностей» (стр. 180). Этот ученый, прибегая ко всевозможным натяжкам и даже искажениям фактов, пытался доказать, что в трагедии Аякса представлена судьба Фукидида, сына Мелесия (стр. 181). Совершенно справедливая критика Эренберга может служить предостережением для тех, которые в пылу полемики против поборников «чистого искусства» ударяются в противоположную крайность, доводя до абсурда необоснованные исторические сопоставления.

Таково в общем содержание книги Эренберга. Автор использовал громадный материал первоисточников и — что весьма важно — привлек большое количество эпиграфических данных, а также многочисленные новейшие исследования западных ученых, в том числе журнальные статьи. Не упомянутыми остались, сколько мы могли заметить, только книги: Meyer-Benfey, Sophokles' Antigone, Halle, 1920; D. Bassi, Sofocle, Milano, 1929.

Историческая концепция Эренберга — идеалистическая, отчасти даже прямо платоновская (стр. 162). «Софокл и Перикл в своей жизни, мыслях и конфликтах, — пишет автор (стр. 166), — служат образцом для одного из вечных вопросов истории». В книге крайне преувеличивается историческая роль личности «великих людей». Автор признает вечную борьбу консервативных сил с прогрессивными (стр. 163), но почти не затрагивает экономической основы этих сил. Он пишет (стр. 153) о росте «иррациональных сил» в военное время и об усилении рационализма среди меньшинства и отсюда делает заключение о расколе общества на два «класса» — образованных и необразованных; в других местах это разделение определяется экономически — богатые и бедные (стр. 137, 139, 165). Иногда Эренберг говорит о высшем и низшем классах (стр. 151), но никак не поясняет этих понятий. Политику Перикла он характеризует как «двухпартийную» (стр. 139). Определяя типичные черты афинского государства, Эренберг нислова не говорит о рабовладельческой основе этого хозяйства (стр. 163 сл.). Причиной кризиса и падения античных государств оказывается демократический строй (стр. 162 сл.). Правильно характеризуя сущность мифологии (стр. 13), автор впадает в ошибку, утверждая, будто поэт творит миф (стр. 14—16, стр. 54) и мифические характеры независимо от мифов (стр. 143), тогда как совершенно ясно, что поэт только перерабатывает и по-своему изменяет народный миф, пользуясь им, как сюжетом из «арсенала» мифологии. Хотя автор и полемизирует против взгляда Гегеля, что в «Антигоне» показано противопоставление между началом государственности и началом семьи (стр. 55 сл.), сам он передко бывает готов видеть в Креонте, хотя не резко выраженном тиране, олицетворение закона государства (стр. 73 и 148). Непонятно, почему в философии Анаксагора автор находит монархические идеи (стр. 94). Натяжкой нам представляется в наименовании Креонта стратегом видеть намек на Перикла. Непонятным пробелом мы считаем игнорирование важного течения в афинском обществе перед Пелопоннесской войной и во время ее: движения за *πίτριος πολιτεία*, с которым имеет тесную связь и представление о неписаных законах. Мы не можем согласиться также с утверждением автора, будто неписанные законы не имеют ничего общего с семейными родовыми традициями или с вопросом о погребении (стр. 30, стр. 35). Впрочем, об этом мы думаем высказать свое суждение в специальной статье. Можно возразить также против толкования отдельных мест трагедий Софокла («Ант.», 179, 368; «Ц. Эд.», 33).

Все изложенное показывает, что новая книга В. Эренберга, написанная на старую тему, содержит очень много свежих и интересных мыслей. Автору удалось вскрыть

призрачность пресловутой гармонии века Перикла, что является важным положительным итогом его работы.

Однако, целиком разделяя идеалистические взгляды на историю, Эренберг не смог, естественно, даже подойти к правильному объяснению противоречий афинского общества V в. до н. э.

С. И. Радциг

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И НАСЕЛЕНИЯ ДОРИМСКОЙ ИТАЛИИ

(Обзор новых работ)

При выяснении древнейших судеб народов Италии исследователь сталкивается с целым рядом таких специфических трудностей, как плохая засвидетельствованность индоевропейских языков Италии, кроме латинского и оскско-умбрийского, почти полное отсутствие текстов на неиндоевропейских языках Италии, за исключением этрусского, отсутствие общепринятой этнолингвистической классификации важнейших археологических культур эпох бронзы и железа на территории Апеннинского полуострова и др. Немало мешает в работе и гиперкритическое отношение к данным античной традиции, не преодоленное еще до сих пор многочисленными специалистами по истории древнего Рима.

Успешное разрешение всех этих трудностей, думается, возможно лишь с помощью исторического синтеза, учитывающего вновь накопленные лингвистические и археологические факты, данные античной традиции и прочее.

Информируем сперва читателя о новых сборниках источников по истории языков доримской Италии, а затем остановимся более подробно на обобщающих трудах, освещающих данную проблему¹.

V. P i s a n i, *Le lingue dell' Italia antica oltre il latino*, Torino, 1953.

Книга В. Пизани является IV частью руководства автора по истории латинского языка. Она содержит важнейшие тексты на древних языках Италии, лингвистический комментарий к ним, характеристику структуры исследуемых языков и определение их генеалогического родства. Книга снабжена также таблицей итальянских алфавитов и двумя полезными картами, на которых указаны территория распространения отдельных языков и места находок надписей. Работа содержит ряд новых надписей (большинство из них издано после 1930 г.), а также весьма существенные новые чтения и интерпретации ранее опубликованных памятников². В частности, в сборнике испол-

¹ См. также более старые сборники: R. S. C o n w a y, J. W h a t m o u g h, S. E. J o h n s o n, *The Prae-Italic Dialects of Italy, I—III*, L., 1933 (сокращ. PID) — важнейший эпиграфический материал, а также частично глоссы, топонимы и ономастикон; R. S. C o n w a y, *The Italic Dialects edited with a grammar and glossary, I—II*, Cambridge, 1897; R. v o n P l a n t a, *Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, II*, Strassburg, 1897, стр. 491—673; *Corpus inscriptionum Etruscarum* (сокращ. CIE), Lpz., 1893 слл. (не окончен).

² Большие успехи, достигнутые в связи с новыми находками в области изучения венецкого языка, требуют в настоящее время внесения некоторых поправок и дополнений в сборник В. Пизани. Ограничимся одним примером. Если обычно *śahnate. i* в венецких надписях (Пизани, № 91, 96, 98, 99, 111, 115) понимали как *sanātis* (дат. падеж), т. е. «оздоровительнице» (ср. лат. *sānus, sānāre*) — эпитет богини Рейтии (ср. № 91 *śahnate.i.re.i.tiia.i.*), то сейчас следует также учитывать чтение *śa.i.nate.i*. М. Лежёна, который видит здесь этноним, соответствующий лат. *Sānātes* (M. L e j e u n e, *Problèmes de philologie vénète*, «Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire Anciennes», XXV (1951), стр. 218—224).